

Л. ВИТГЕНШТЕЙН: СПОСОБЫ ОТНОШЕНИЯ К МИРУ

А.В. Чухно

Томский политехнический университет
E-mail: soohotin@rambler.ru

Статья посвящена мыслительной деятельности Л. Витгенштейна «раннего» периода творчества. Анализируются некоторые аспекты его понимания сущности логики и философии – в том числе в контексте основополагающего для данного периода различения способов донесения содержания на «сказанное» и «показанное». Делается вывод о роли обоих в общей картине мира и его осмысленности.

Ключевые слова:

Л. Витгенштейн, логико-философский трактат, логика, ценности, этика, солипсизм, «сказанное» и «показанное».

Key words:

L. Wittgenstein, tractatus logico-philosophicus, logics, value, ethics, solipsism, «said» and «shown».

Как известно, искания молодого австрийского мыслителя Людвиг Витгенштейна были наполнены задачами логического направления, унаследованными от учителей – Г. Фреге и Б. Рассела. Их объединяющим началом служила потребность в идеальном языке, который служил бы твердой опорой на путях движения к истине. При этом существо механизма его обретения мыслилось достижимым упомянутыми наставниками Л. Витгенштейна на пути «собственноручного» созидания подобного языка. Таким образом, возможности еще не созданного (но находящегося в прогрессирующем процессе становления, как им казалось) искусственного языка в отношении адекватных методов познания однозначно оценивались ими как весьма перспективные в общенаучном масштабе. Если говорить о сугубо логическом аспекте, то можно утверждать, что развитие хода мысли Л. Витгенштейна быстро привело его к иному взгляду на суть задачи: переформулировка касалась не просто радикальных идей в применении к этапу ее решения, будущий автор «Трактата» переходит в совершенно иное мыслительное «русло», где суть дела видится ему в обратном порядке. Речь о том, что Л. Витгенштейн ставит целью не искусственную идеализацию языка до уровня его логической безупречности, а, по существу, естественную линию прояснения собственных механизмов и форм наличного (то есть естественного же) языка. Основа для этого задана тезисом: «Логика заботиться о себе сама» Трактат 5.473 [2]. В то же время логические задачи «раннего» Л. Витгенштейна тесно связаны с философскими.

В совокупности положений Л. Витгенштейна данного периода принято выделять критическую и метафизически-мистическую стороны. Естественно, что критическую сторону или линию исследования стоит понимать в согласии с линией кантовского критицизма – то есть как исследование границ доступного разуму (что в лице Л. Витгенштейна, как последователя этой линии, отображает закономерность общего направления развития европейской мысли в качестве нового этапа после «сдвига», заданного «коперниканским поворотом», связыва-

емым с И. Кантом). В более узком понимании, приложимом к действительности самих витгенштейновских изысканий, критическая установка выражена анализом самого способа, которым оказались сконструированы проблемы философии на протяжении всей ее европейской истории. Этим способом для Л. Витгенштейна выступает сам естественный язык и, вместе с тем, – выражаясь в духе Аристотеля (предваряющего общий характер задач науки о сущем) – также присущее языку, как таковому (здесь подразумевается акцент Л. Витгенштейна на логических основах языка, поскольку исходная позиция философа заключена в том, что именно логика языка – как совокупность моментов его собственных необходимых отношений – отражает существенные черты языка как определенной системы отображения мира).

В компетенцию первой входит прояснение природы значения и отношений языковых выражений и связанные с данной задачей направления как разработки принципов и механизмов функционирования формальной логики, так и решение с ее помощью задач собственно философии – как отдельной (в традиционном понимании) области знания.

Исходя из этого главную задачу философии Л. Витгенштейн видит в анализе языка, причем именно в процессе этого анализа: философия не является теорией – она может состояться только в качестве особого рода деятельности, поскольку существо философских проблем возможно обрисовывать и ухватить только изнутри плоскости естественного языка, как такового – то есть путем осознания природы его внутренних отношений.

«Цель философии – логическое прояснение мыслей.

Философия не теория, а деятельность.

Философская работа состоит по существу из разъяснений.

Результат философии – не некоторое количество «философских предложений», но прояснение предложений.

Философия должна прояснять и строго разграничивать мысли, которые без этого являются как бы темными и расплывчатыми» Трактат 4.112 [2].

Но что это означает? По всей видимости — а также судя по устремлениям самого автора «Логико-философского трактата» (далее — ЛФТ) — ни что иное, как возможность подвергнуть отдельную проблему, выглядящую философской, критике с позиции ее языкового оформления: в таком понимании философская компетенция не может распространяться за пределы практического преломления, как процесса «прояснения мыслей». Поскольку переход на теоретический этап означал бы здесь претензию на истину в условиях внешней опоры на язык — в условиях особенностей его сущностной природы. Иначе говоря, погружение в теоретический уровень осмысления мира сводит все внешние границы мира обратно к природе языка (который выступает, при этом, последней инстанцией обретения смысла), тогда как практически реализуемый анализ приоткрывает метаязыковые возможности уже внутри языка наличного и позволяет сконцентрироваться на последнем (вместе с его спецификой) как на языке-объекте. «Сказанное» — прямая репрезентативная функция языка, «показанное» (языком же) — его собственная логика как выражение системы связей, необходимых для семантической действительности языка (собственно ее образующих), то есть описывающих условия истинности обычных предложений.

Здесь закономерно встает вопрос предметизации философского поля зрения: каким образом (с помощью какого рода средств) возможно выявление положительного содержания в суждениях относительно традиционных философских проблем?

Собрать весь туман философии в каплю грамматики — подобного рода идея зачинателя аналитической философии напоминает революционный ход мыслей Френсиса Бэкона, возглашавшего своими идеями бесперспективность традиционного европейского стиля философии (в свете оценки последнего как оторвавшегося от объективного характера бытия, данного нам в конкретных формах материальной действительности). Правда если Ф. Бэкон расценивал идеи прошлого европейской мысли как свалку, в которой все-таки можно и нужно отыскивать элементы, крупинки истинного положения вещей, то Л. Витгенштейн не признает возможности использовать какие-либо идеи прошлого в чистом виде. Накопленное историей философии вообще не стоит рассматривать как поле возможностей приближения к истине. По крайней мере, этот вопрос — второстепенный. Все акценты в этом смысле должен расставить анализ с точки зрения природы языковых выражений, в рамках которых и были сформированы все традиционные философские проблемы вместе с предложенными вариантами их решения. Итак, философия — это деятельность по прояснению мыслей.

Вторая линия мысли Л. Витгенштейнова в «трактате» представлена совершенно иным подходом с

точки зрения самого авторского использования языковых средств: этот метафизический аспект его «ранних» теоретических построений, посвященный указанию на сверхрепрезентативную сферу бытия, посвящен обозначению не столько существа, сколько существенности того образа мира, который в границах философского осмысления принято оценивать как предмет аксиологического взгляда: для Л. Витгенштейна это смысловое поле задано со стороны мира как целого (а не какой-то особенной его характеристикой, чертой), где мир выступает уже не условием и фоном предметизации, а сам берется как предмет — взгляд на мир бросается будто бы со стороны. Если внутреннее существо ценностных тем оказывается по ту сторону границ языковой выразимости (что будет прояснено далее), то существенная значимость их для человека остается действием осуществимым и вербально достижимым (правомернее, может быть здесь говорить о «Я», чем, оперируя термином «человек» допускать возвышение до общечеловеческой значимости, поскольку в отношении Л. Витгенштейна позволительность такого абстрагирования — отдельный вопрос, учитывая установку солипсизма, выраженного, в частности, в части афоризма ЛФТ:

«То, что в действительности подразумевает солипсизм, вполне правильно, только это не может быть сказано, а лишь показывает себя.

Тот факт, что мир есть мой мир, проявляется в том, что границы языка (единственного языка, который понимаю я) означают границы моего мира». Трактат 5.62 [2].

Тут же рядом Л. Витгенштейн добавляет:

«Мир — и жизнь едины.

Я есть мой мир (микрокосм)».

Трактат 5.621–5.63 [2].

Но кроме возможности языка ухватить важность смысла мистического (то есть, прежде, всего, сверхлогического) аспекта мира и описать эту важность отрицательного рода отсылками изнутри уровня анализа языка и его логически отношений, остается еще один ракурс раскрытия осмысленности мистического, остающийся в русле языковых операций (реализуемый в плоскости прямого отношения «язык — реальность»). Мы имеем в виду осмысление особенностей характера природы мистической данности мира. Под определенным углом зрения это представляется оправданным. Существует различие, прослеживаемое в отношении Л. Витгенштейна к невысказываемости ценностно-мистической сферы. В дневниковых записях, предшествовавших написанию «Трактата», содержится много суждений, которые с точки зрения текста ЛФТ, как оказалось, вышли за грань выразимости: в его содержании остались только наиболее осторожные формулировки общих идей. Соответственно этому по данному пункту можно выделить как минимум два мнения в исследовательском подходе к творчеству мыслителя: либо считать оценку Л. Витгенш-

тейном не вошедшего в трактат бессмысленным (в силу невыразимости) и даже ложным, либо отстаивать неслучайность дошедших до нас замечаний автора, и, соответственно, определенную степень осмысленности всего содержания записей данного периода на фоне общей теоретической линии «трактатовского» периода (из этой второй точки зрения мы и будем исходить). Последнее подразумевает, что невыразимым в собственном смысле слова «ранний» Л. Витгенштейн (по крайней мере, как показывают дневники 1914–1916-х гг., написанные до формирования самого «Трактата» [2]) считал, скорее, собственно содержание этики как системы руководства жизнью – то есть как определенного способа описания мира, его онтологизации. Не затрагивающие прямым образом этику темы природы ценностного представления мира очерчивают другой ракурс: они призваны указать на предельную значимость принципиально нерепрезентируемой в своем существе данности мира (М. Хайдеггер в «Бытии и времени» также говорит о таком свойстве бытия, как дарованность, или даримость). Об этом свидетельствует и сам «Трактат», в котором свойство языковой невыразимости приписывается этике и солипсизму, как глубинному основанию взгляда на мир, трансцендентальной предпосылки его созерцания.

«Смысл мира должен лежать вне его. В мире все есть, как оно есть, и все происходит так, как происходит. В нем нет никакой ценности, а если бы она там и была, то она не имела бы никакой ценности.

Если есть ценность, имеющая ценность, то она должна лежать вне всего происходящего и вне Такого (So – Sein). Ибо все происходящее и Такое – случайно.

То, что делает это не случайным, не может находиться в мире, ибо в противном случае оно снова было бы случайным.

Оно должно находиться вне мира.

Поэтому не может быть никаких предложений этики. Предложения не могут выражать ничего высшего.

Ясно, что этика не может быть высказана. Этика трансцендентальна. (Этика и эстетика едины).

Первой мыслью при установлении этического закона формы «ты должен...» является: «а что, если я не сделаю?» Но ясно, что этика не имеет ничего общего с наказанием и вознаграждением в обычном смысле. Поэтому данный вопрос о последствиях действия должен быть вопросом, не относящимся к делу. По крайней мере эти последствия не должны быть событиями, ибо все же нечто в этой постановке вопроса должно быть правильным. Должно иметься некоторого рода этическое наказание и этическое вознаграждение, но они должны лежать в самом действии». Трактат 6.41–6.422 [2]. Так по Витгенштейну кантовская форма «Ты должен» вовсе не несет в себе автономное основание для этического.

Итак, недоступное языковому измерению – это попытки описания связи двух автономных плоскостей: с одной стороны – мистического отношения к целому миру (к миру, как таковому, вне зависимости от его фактуального – и потому всегда фрагментарного – образа), с другой – отношения к миру в составе его частей («поле зрения»).

Особенность данной предметной области, с позиции авторской мысли, состоит в следующем. В обычном применении язык здесь не способен функционировать адекватно. В отношении сверхлогического существа мира (его мистической предоставленности) вербальный аппарат мышления теряет силу инструмента описания. Это объясняется радикальной сменой аспекта восприятия мира: взгляду подвержена уже не его непосредственно воспринимаемая форма (как поле зрения), а сама данность мира (и характер этой данности, как таковой) уже в качестве определенного рода факта. Подобный аспект символизирует высший доступный уровень рефлексии, в рамках которого обозначается и проблематизируется может быть наиболее основополагающее для философии различие, заключенное в противостоянии «Я» и мира. «Мир не зависит от моей воли» Трактат 6.373 [2]. Л. Витгенштейн так же отчетливо акцентирует мысль и на изначальном единстве с миром (когда говорит о мире как микрокосме, что упоминалось выше): именно оно задается с помощью введения метафоры «поля зрения». Тут видно, что понятие мира у Л. Витгенштейна тесно, даже неразрывно, связано с тем, кто его созерцает: мир невыразим без его обладателя.

Данность мира как целого (отображенная в отношении Я – мир) ускользает от вербальных средств – слова так или иначе связывают с миром в его частном проявлении (представление Л. Витгенштейна о принципиальной поверхностности языка связано, по-видимому, с инженерными корнями его образования: предложение как модель действительности или как ее проекция (понятие проекции в исходном понимании обозначает как раз то, что редуцирует многосложность и многообразие сторон реального объемного объекта к плоскому, условному виду) – одна из фундаментальных идей, как известно, в концепции ЛФТ; ее истоки обнаруживаются исследователями в понятии образа у Г. Герца – один из афоризмов ЛФТ прямо указывает на такую связь:

«В предложении должно быть в точности столько различных частей, сколько их есть в положении вещей, которое оно изображает.

Оба должны обладать одинаковой логической (математической) множественностью (ср. механику Г. Герца о динамических моделях)» Трактат 4.04 [2]. То есть ускользает не мир, а Мир, как нечто самостоятельное в самом значительном смысле слова.

Осмысляя общее значение «сказанного» и «познанного» в измерениях вербального и мистиче-

ского представления о мире, можно сказать, что если смысл описательного (репрезентативного) измерения мира показан его логической структурой, то смысл мира как целого, – с точки зрения всей его логической структуры, как своего рода определенного «факта», – этот смысл показан, в свою очередь, трансцендентальной структурой этики, как внутренней предназначенности мира в его логике тому, кто присутствует в мире только условно (подобно глазу с его полем зрения), но в то же время, оказывается неотделим от мира.

Насколько глубоко понимал Л. Витгенштейн необходимость игнорирования желаний (в том числе страха и надежды) как проявлений внутренне нецелесообразного отношения к миру с точки зрения жизни в целом (если понимать этику как логику жизни)? Легко ли не на бумаге, а на деле принять мир, как он есть (в целом) в том числе и с его темных сторон, когда приходится созерцать его худшие стороны?

«Все это только слова...» – так принято оценивать суждения, в которых языковые средства выражают нечто неподлинное, работают (как бы сказал Л. Витгенштейн) «на холостом ходу». Вынести подобную оценку автору рассматриваемой на этих страницах концепции, низведя его измышления до уровня фантазий оторванного от жизни теоретика, было бы неправомерно. Подобное заключение может родиться только в уме, совершенно незнакомом с жизненными событиями «философствующего логика». И на деле Л. Витгенштейн оказался верен высказанному однажды принципу («Слова суть дела»), показав, что наиболее глубокие его мысли не должны пониматься абстрактно. Самой своей биографией он смог утвердить и выношенные в своем сознании идеи, и, с другой стороны, на опыте утвер-

дить в них собственное Я, не отгораживаясь одним письменным изложением предлагаемых решений. Кратко изложенные и, в силу этого, наполненные еще большей внутренней напряженностью, мысли философа по этической проблематике (периода подготовки и оформления ЛФТ), находят прямое экзистенциальное выражение. В первую очередь это сыграло роль в отношении его добровольного ухода на фронт – так, вероятно, нашло выход и стремление отыскать некую устойчивость в поиске ответа на вопрос «жизненной проблемы» (понятие, связанное с неясностью смысла жизни и относящееся к рассматриваемому времени творчества; употребляется Л. Витгенштейном как одно из ключевых в рамках осмысления этической и – в более общем смысле – мистически обнаруживаемой стороны бытия; в дневниках он, в частности, пишет, что решение жизненной проблемы узнается по ее исчезновению).

Дистинкция сказанного и показанного, исходно очерченная философом сугубо в плоскости языкового измерения выступает здесь словно на совершенно новом уровне, поскольку сама личность австрийского мыслителя своей жизнью является нам как показанное – то есть как донесение волнующих автора мыслей, более глубоким способом. Соответственно и биографическая информация становится здесь продолжением его теории или одной из сторон, отражающих полноту его философской позиции. Однако судя по данным той же биографии и воспоминаниям учеников, австрийского мыслителя более интересовала не оценка теории читателями, но собственное ощущение места в бытии – что, правда, и означает именно первостепенность внутреннего перед внешним – в этом мы можем видеть прямое соответствие принципов «логики» жизни принципам логики языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витгенштейн Л. Л. Дневники 1914–1916. – Томск: Водолей, 1998. – 191 с.

2. Витгенштейн Л. Л. Логико-философский трактат. – М.: Изд-во Инстр. лит-ры, 1958. – 133 с.

Поступила 25.11.2009 г.